

Ши Шаньшань
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shishanshanchn@gmail.com

ТРАДИЦИИ А.П. ЧЕХОВА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950–1990-Х гг.

В статье рассматривается влияние чеховских традиций на китайскую литературу 1950–1990-х гг. На материале творчества двух писателей – Чжун Цзе и Тун Даомин – выявляются особенности реализации традиций русского классика в реалистической литературе Китая.

Ключевые слова: Чехов, китайская литература, традиции, чеховские традиции, Чжан Цзе, Тун Даомин.

В октябре 1949 г. китайское революционное движение (при братской помощи Советского Союза) добилось победы, и в стране началось строительство социалистического общества. Победа революции способствовала созданию благоприятных условий для удовлетворения интереса китайских читателей к русской классической литературе, в частности, – к наследию Чехова. Дружественные отношения, возникшие между Китаем и Советским Союзом, способствовали развитию чеховедения, усилению влияния творчества русского классика на китайскую литературу.

В 1950-е гг. все основные повести, рассказы, драматические произведения, письма и записные книжки Чехова появились в нескольких вариантах переводов и стали широко известны китайским читателям. Творческое наследие русского писателя органично вошло в культуру страны, помогая китайским читателям в их общественном и нравственном совершенствовании. На страницах китайских газет и журналов стали регулярно появляться статьи, посвящённые чеховскому наследию. Китайские исследователи внимательно следили за работами советских литературоведов, посвящёнными жизни и творчеству Чехова, переводили их статьи и книги.

Чехов привлекал китайских писателей как «выдающийся реалист», «критическое острие» которого было направлено против «рушащегося строя старой России», «нравственного вырождения и болезненного состояния жизни среднего и высшего слоёв» [Жу Лун 1956: 164].

К сожалению, успешно развивавшийся в 1950-е гг. процесс взаимодействия русской и китайской литературы, а также литературоведческие исследования творчества русских писателей были прерваны трагическими событиями «культурной революции». После завершения «культурной революции» и начала нового этапа реформ в КНР возобновилась публикация переводов и новых серьёзных литературоведческих работ о Чехове. Известный китайский чеховед профессор Чжу Исэнь, автор монографии «Мастер рассказа Чехов», отмечал: «...В страшное десятилетие культурной революции, когда наказание грозило за чтение иностранной литературы, невольно возникало опасение, что русский писатель будет забыт. Однако это было ошибочное ощущение. Имя Чехова и его бессмертные произведения уже давно глубоко укоренились в сердцах многочисленных китайских читателей. Они не забыли Чехова, — напротив, после многих лет страданий в изменившихся общественных условиях с особым интересом обратились к чеховским произведениям, открывая в них все новые достоинства» [Чжу Исэнь 1984: 6].

В 1978 г. Китай вступил в новую эру реформ и открытости, и интерес к творчеству Чехова вновь стал быстро возрастать. Творчество Чехова оказалось близким запросам китайских читателей нового поколения, которые в первую очередь увидели в произведениях писателя борьбу с всяческими формами угнетения, направленную на изменение жизни, непримиримость по отношению к произволу, призыв к осмысленному отношению к действительности, стремление к раскрепощению человеческой личности.

О своей приверженности чеховским художественным принципам заявили многие китайские писатели, активно работавшие в 1970–1980-е гг., — например, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цзицай, Сяо Фусин, Тун Даомина и другие, которые в своих выступлениях заявляли о своём восхищении русским писателем и о том, что на их собственное творчество существенно повлияли художественные принципы Чехова.

Особенно ярко обращение к созданию новых интерпретаций чеховских образов проявилось в творчестве двух писателей – Чжан Цзе [张洁] и Тун Даомина.

В художественном восприятии Чжан Цзе Чехов – писатель, который утверждает принципы высокой духовности, направленные против «мещанской реальности» и любого способа морального угнетения человека.

Писательница неоднократно заявляла о своей любви к творчеству русского писателя, и поэтому в её литературных произведениях появлялись не только чеховские идеи и художественные приёмы, но и многочисленные детали и ситуации, связанные с Чеховым. Особенно важными

для Чжан Цзе оказались *социально-психологических* интерпретаций образов чеховских персонажей.

В 1979 г. Чжан Цзе опубликовала рассказ «Любовь невозможно забыть» [《爱是不能忘记的》] (другой вариант названия в переводе на русский язык – «Любовь, тебя не забыть»), который стал одним из её лучших произведений и одним из первых произведений китайской «женской прозы».

В рассказе описывается история любви молодой писательницы Чжун Юй и пожилого руководящего работника, которые любили друг друга, однако существующие семейные обстоятельства и общественные предрассудки не позволили им создать свою семью.

Чжун Юй имеет прекрасное образование, она талантлива, элегантна и изысканна. Она не принимает «мещанскую» жизнь «обычных» людей и сохраняет свои юношеские духовные устремления и мечты (в этом плане она очень напоминает Надю в рассказе Чехова «Невеста»). Чжун Юй любит читать и бережно хранит Полное собрание сочинений Чехова. Это собрание сочинений — единственный подарок, который ей сделал любимый человек. «Когда она уезжала в командировку, то она всегда брала с собой один из 27 томов собрания произведений Чехова» [Чжан Цзе 1980: 109]. Чжун Юй связывает с книгами Чехова все свои искренние чувства, и они возвышают её. В своём завещании она просит кремировать своё тело вместе с книгами любимого писателя. Книги Чехова являются не только художественной деталью, «реквизитом» произведения, — они углубляют его идею: человек должен отбросить мещанские представления о любви и браке: любовь и брак неотделимы друг от друга; но брак без любви аморален в большей степени, чем любовь без брака.

Проблематика и стиль рассказа «Любовь невозможно забыть» также очень близок к проблематике и стилю чеховских произведений. Так же, как и китайскую писательницу, Чехова всегда интересовало положение женщины в современном обществе и исследование возможной степени её самостоятельности. В этом произведении нет подробного описания любовной истории героев, нет развёрнутого сюжета и антагонистического конфликта. Краткое, «очерковое» изложение событий, насыщенная лиричность, перенос авторских оценок в подтекст предоставляли большую свободу читателю, который мог самостоятельно «додумывать» отдельные эпизоды, о которых подробно не рассказывает автор, и самостоятельно оценивать характеры персонажей. Такие особенности стиля произведения не были характерны для традиционной китайской литературы, но именно они оказывались близки к чеховскому стилю.

С традициями чеховской психологической прозы связан роман Чжан Цзе *«Тяжёлые крылья»* [《沉重的翅膀》]. Писательница, следуя чеховским принципам, глубоко раскрывает внутренний мир современного человека, «духовные сферы», проблему формирования «современного человека», без которого невозможен переход в «новый мир», «сложные человеческие отношения» [Чжан Цзе 2011: 76–77]. Отталкиваясь от образов чеховских героев, китайская писательница показывает их возможное развитие в будущем, их потенциальные перспективы как «новых людей» нового мира.

А.П. Чехов глубоко повлиял на творчество известного переводчика, театрального критика и драматурга **Тун Даомина** [童道明] (1937–2019), который по праву считался «самым понимающим Чехова человеком» в современном Китае. В 1956 г. Тун Даомин обучался в Московском государственном университете, где посещал спецкурс «Драматургия Чехова», читавшийся известным специалистом по творчеству Чехова и театральным критиком советской эпохи В.Я. Лакшиным, и получил от него похвалу. Люди, лично знавшие Тун Даомина, отмечали, что в его характере легко узнаются гуманистические чувства и темперамент Чехова. В интервью, данном незадолго до своей смерти, Тун Даомин заявил: «Чехов стал моим основным объектом исследования – и это для меня счастье на всю жизнь» [Тун Даомин 2018].

В 2009 г. была опубликована пьеса Тун Даомина «Я – чайка» [《我是海鸥》]. Пьеса «Чайка» всегда была сложна для постановки и породила множество режиссёрских и актёрских интерпретаций. Не случайно провалилась её первая постановка на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. Постановка этой пьесы, как правило, удаётся тогда, когда её создатели исходят из понимания неоднозначности интерпретаций образов персонажей и раскрывают их связи с актуальным современным содержанием. Особенно сложной и важной для постановки оказывается интерпретация образа «чайки» – Нины Заречной, который – в соответствии с текстом пьесы – может быть интерпретирован по-разному. Этот момент хорошо уловил китайский драматург.

Действие пьесы Тун Даомина происходит в современном китайском театральном коллективе, где ставится спектакль по пьесе Чехова «Чайка» – спустя 100 лет после премьерной постановки этой пьесы в России. Образы чеховских героев переселяются на китайскую сцену, однако сам процесс постижения характера героев китайскими артистами оказывается весьма сложным и к тому же накладывается на личные отношения, возникающие между артистами.

В пьесе «Я – чайка» показывается сложность и запутанность чувств, а также внутренняя борьба, через которую проходят два молодых актёра – девушка и юноша – во время репетиций чеховской пьесы (они готовят роли Нины Заречной и Треплева): разрыв в их жизни между идеалом и реальностью – как и у чеховских персонажей – оказывается слишком велик, и им трудно достичь одновременно и собственного материального благополучия, и духовной гармонии, необходимой для того, чтобы вдохновенно сыграть чеховских персонажей. Актёры постоянно оказываются в разных эмоциональных состояниях: то надежды, то растерянности, то гнева; они стремятся найти компромисс между своей личной жизнью и жизнью героев, образы которых они воплощают на сцене, и одновременно внутренне подсознательно сопротивляются этому.

В моменты, когда актриса, готовящаяся сыграть Нину Заречную, оказывается в состоянии наибольших колебаний и сомнений, в её снах всегда появляется Чехов, который беседует с актрисой, даёт ей мудрые советы и указывает верную жизненную дорогу. «Свободный человек обязательно и есть счастливый человек. Свободное и глубокое размышление о жизни и безразличие к жизненной суете — это высшая степень счастья... [Тун Даомин 2012: 66]; «Люди постоянно прогрессируют, подумайте, каким прекрасным станет человечество через сто лет, через тысячу лет. Но через сто лет, через тысячу лет люди все-таки будут говорить, как нам больно. Так как человечество никогда не прекратит духовное совершенствование, поэтому не надо смеяться над теми, кто страдает, потому что страдают все, кто стремится к духовному совершенствованию. Некоторые люди на вид кажутся самодовольными, но на самом деле они внутренне тоже страдают. Конечно, боль тех, кто отказывается идти на компромисс с жизнью, тяжелее, потому что в мире количество людей, признающих компромиссы, все-таки больше. Ты не хочешь идти на компромисс с жизнью, и жизнь может тебя не принять» [Тун Даомин 2012: 97].

Ночные диалоги актрисы с Чеховым наполнены высоким гуманизмом, в них передаётся стремление героини к свету и свободе, к личному достоинству, к достижению духовного совершенства. Актриса – вслед за чеховской героиней Ниной Заречной – вновь и вновь повторяет: «Я чайка, я хочу летать...», и эти слова ободряют её, помогают отстаивать собственные убеждения, проявлять решимость в самых сложных жизненных и сценических ситуациях.

Интерпретация образа Нины Заречной, представленная на китайской сцене, раскрывает характерное для «человека конца эпохи» душевное состояние, передающее дисгармонию между реальностью и идеа-

лом, между материальными благами и духовным богатством и показывает, как можно преодолевать этот разрыв, проявляя силу воли и стремясь к чудесной гармонии.

Исследуя современный вариант «новых людей», Тун Даомин развивает социально-психологический тип интерпретации чеховских героев, предложенный в произведениях Чжан Цзе, однако в своих произведениях усиливает *лирико-философский* аспект. Писателей «Нового Китая», развивавших чеховские художественные принципы в 1950–1990-е гг., объединил интерес к анализу психологии героев, нравственному содержанию поступков людей.

Исследование творчества А.П. Чехова в Китае продолжилось и в XXI в., хотя уже не такими быстрыми темпами, как в 1950-е гг.: практически все основные произведения русского писателя были переведены (в нескольких версиях) в предшествующие периоды, а в критике и литературоведении сложились основные интерпретации его произведений. Особую роль стали играть представления о Чехове как о писателе, который глубоко сочувствовал народу, был активным борцом за «новую жизнь» и ввёл в литературу образы «новых людей», способствовавших формированию аналогичных образов в китайской литературе XX в.

Библиографический список

Жу Лун. Послесловие // Чехов А.П. Дети / Пер. Жу Луна. Шанхай: Новые литература и искусство, 1956. С. 164. [汝龙, 《契诃夫小说集》, 上海: 新文学文艺, 1956, 164页].

Тун Даомин. Интервью с Тун Даомином // Китайская газета литературы и искусства. Пятая полоса. 2018 г. 30 ноября. Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2018/1130/c405057-30433337.html> (дата обращения: 30 ноября 2018 г.) [童道明, 文艺报2018年11月30日, 第5版, 北京, 2019].

Тун Даомин. Я – чайка // Бюст девицы на берегу реки Сена: Сборник пьес Туна Даомина. Пекин: Изд-во Хуавэнь, 2012. 259 с. [童道明, 《我是海鸥》, 《塞纳河少女的面模》, 北京: 华文出版社, 2012, 259页].

Чжан Цзе. Любовь невозможно забыть // Чжан Цзе. Собрание произведений. Гуанчжоу: Guangdong People's Publishing House, 1980. 209 с. [张洁, 《爱, 是不能忘记的: 小说散文集》, 广州: 广东人民出版社, 1980年, 209页].

Чжан Цзе. Тяжёлые крылья. Пекин: Народная литература, 2011. 370 с. [张洁, 《沉重的翅膀》, 北京: 人民文学出版社, 2011年, 370页].

Чжу Исэнь. Мастер рассказа Чехов. Шанхай, 1984. 178 с. [朱逸森, 《短篇小说家契诃夫》, 上海, 1984, 178页].